SHOUT
SHARE
IT

- КАК БОБРЫ НА ЛОСЯ ХОДИЛИ.
  - Оглавление
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI

КАК БОБРЫ НА ЛОСЯ ХОДИЛИ.

Охоте на Снарка посвящается.

Оглавление

Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI

I

Да. И вот, значит, сидим это мы у меня дома - я, Хорь и Сова - и беседуем о том, какая жизнь штука сложная и как хрупка природа живущего, так ее и растак; а равно о том, что радикулит замучил, и погоды стоят мерзкие.

Хорь сказал:

- Вот, помню, в прошлом году у соседа бабушка померла…

Он задумался. Или сделал вид, поскольку дело это ему не по плечу, что бы он о себе ни воображал. Конечно, насчет плеча, это я - фигурально, Хорь - он у нас толстый, большой, громкий такой хорь; хотя я и Сова пребываем в убеждении, что проку от него ни на грош.

Я спросил:

- И что?

- Что - что? - очнулся Хорь.

- Ну, померла бабка?

- Ну, померла. А в позатом году у Сурка дед помер.

- А в этом году помер кто? - открыла глаз Сова.

- Нет еще. - Сказал Хорь.

Беседа зашла в тупик. Мы еще поерзали, покурили, и тут до меня дошло:

- Это что же, - воскликнул я, - это же, получается - все так помрут?!

Ответом было гробовое молчание. За окном выл ветер и лил дождь.

- Это же, - робко продолжил я, - это, значит, и мы помрем так?

А Хорь сказал:

- Ты, Бобр, у нас всегда самый умный был. Особенно в пятницу. Я битый вечер ему толкую: жисть дорожает, понимаешь - как есть скоро все и помрем. А сам не помрешь - волки задерут, их сейчас - как собак нерезаных.

- Я, - сказала Сова, - это подтвердить могу лично. Вышла зимой до ветру - чуть не задрал. Насилу убежала.

- Да-а, - зловеще протянул я, и мы замолчали. Только Сова глазом - луп-луп.

Странная фигура Сова. Интересная, вообще, фигура. Когда она так на тебя смотрит, чувствуешь, что и сам превращаешься в блюдце. И почему-то хочется взять лопату и копать яму. А вот водку с ней пить хорошо. Сова, она петь не любит и не поет. А вот один раз запела - леший ее знает, то-ли с тоски, то-ли на радостях. Голос, главное, сочный такой, густой. Мы с Хорем все ее

потом подначивали, да только Сова, она петь не любит… А как-то раз лунной ночкой застал ее Хорь за таким занятием: она выше по ручью лес валила. Клювом грызла, как бобры грызут, и валила. Хорь-то ей, как очухался, - дескать, что ты, ворона старая, делаешь, креста на тебе нет?! А Сова - сделаю, говорит, запруду и заживу у пруда под сенью древес. А потом, когда уже Хорь ее под белы рученьки вел, она икать перестала и говорит - есть, мол, у меня заветна мечта и больше всего на свете хочется ей стать рыбой… Интересная фигура, да. Только мы с Хорем за правило взяли: больше трех Сове не наливать… Так и сидели - ветер выл, Хорь стулом скрипел.

Тут Сова второй глаз открыла и говорит:

- Лось.

Мы с Хорем встрепенулись.

- Что - Лось? - говорим.

- Пойти и завалить его надо, - объясняет Сова.

- Зачем?! - Хорь аж чаем поперхнулся.

- Рогами будем отмахиваться. От волков.

Я задумался. Лось, оно, конечно же, хорошо, да. Но, с другой стороны, - страшно, это же лось - не кузнечик какой. Сове - что, она безбашенная, ей что на Лося, что до ветру. И тут представились мне тоскливые зимние вечера. Ходят по льду вокруг дома волки, зубами крышу грызут и воют. Аж по коже мороз от мыслей таких пошел. Но вот среди сугробов выходит до ветру Сова. С рогами. Волки от картины такой робеют, а Сова их рогами по сусалам! по сусалам! лупит и приговаривает…

- Ешкин кот! - заорал Хорь. Он, видать, о том же подумал.

- Золотая голова! - кричу. - Цены тебе нет!

- И не будет, - сказал Хорь, и бросились мы Сову качать.

Только почести эти были Сове без разницы. Потому что она уже дрыхла.

II

Поутру стали мы на охоту сбираться. Путь не ближний - по слухам, жил Лось аж за Болотом и за Рекой.

Я сказал:

- Надо короб набить едой - весна ведь, не осень.

А Хорь сказал:

- Это уж я сам.

Залез он в подпол и стал короб набивать, а мы с Совой смотрели-смотрели и говорим:

- Вот ты, Хорь, его и потащишь.

Хорь обиделся. Он сказал, что с неблагодарными скотами больше не станет связываться, а уедет к бабушке на покой. Он, видите ли, трудится за нас в поте лица, а мы, значит, на нем ездим. Сова сказала, что, если он столько будет есть, пусть и вкалывает пропорционально. От последнего ругательства Хорь совсем взбеленился. Он полез из подпола наверх, чтобы нас с Совой коробом порешить, да оступился и ухнул вниз, аж стёкла задрожали.

- Едрит… - донёсся снизу сдавленный хрип, - сволочи вы. Помогли б, что ли.

А когда мы короб вытащили, и Хорь вылез, Сова сказала, что надо к нему (не к Хорю, понятное дело) прибить колёсики. Чтоб потом на верёвке катить и не расстраиваться.

Я сказал:

- А ружьё по очереди нести будем.

А Сова сказала:

- Не-е, мы к нему тоже прибьём колёсики.

А Хорь сказал, что мы дураки и это у нас карма, что охота - дело серьёзное, и что ружьё он привяжет к коробу, чтобы получилась тачанка.

На том и порешили. Пока Хорь ружьё к тачанке привязывал, да с Совою ругался, пошёл я дом запирать. Повздыхал для порядку и повесил на дверь такое вот объявление: БОБРОВ ДОМА НЕТ.

НО ОНИ ЩАС ПРИДУТ!

Никакие мы, конечно же, не бобры. Ни Хорь, ни Сова, ни я даже. Я есть самый-пресамый настоящий Мексиканский Тушкан, и дед мой был Мексиканский Тушкан; а Хорь говорит, что никакой я не Тушкан, а самый что ни на есть суслик. Изумруда, дескать, в шкуре моей нет и я не шанхайский барс и не Лихо Одноглазое, а обыкновенный суслик, леший меня дери. Но, во-первых, Хорь - он, вообще, дурак, это даже Сова понимает. А, во-

вторых, какой же я не Тушкан, коли дед у меня эмигрант был и бабка - эта… как её… эмигрантесса, вот. И вообще…

А Бобрами нас прозвали вот почему. Ентот дом построили когда-то ещё бобры (а тогда строить умели, чего уж). А потом ушли куда-то - чёрт-те знает, куда. Плотина их прохудилась, пруд обмелел, а я, шатаясь по свету в молодости, возьми его, да и найди. Стал в нём жить-поживать, потом в дому Хорь завёлся, а потом - глянь-ка - завелася у нас Сова. Правда, по весне, бывает, зальёт боброву запруду, но мы с Хорём нырять уже привычные, да и Сова ныряет. Правда - как, до сих пор ума не приложу. Конечно, у неё мечта есть, но…

Тут меня Хорь прервал:

- Ты, Бобёр, спишь чай?

- Сплю, - говорю. - И тебя в гробу вижу.

Так мы и пошли на охоту.

Для начала надо было из Лесу выйти. Места знакомые, дороги нахоженные, хорошо! Мы с Хорём тачанку катим, а Сова сзади идёт - за ружьём смотрит. Какой сосед ни увидит - кричит:

- Эй, Бобры! Никак на охоту собрались?! Что ль…

- Никак, - говорим и делаем мужественные лица. Сосед в затылке чешет, а Хорь тянет лямку и говорит:

- Вот, помню, лет эдак пять назад…

И начинает волынку, как он на рыбалку ездил. Он там рыбу ловил - во! а потом от медведя драпал и рыбу ему кидал. Домой пришёл злой, мокрый и без рыбы. Мы его с Совою - ругать, а он нам - эту историю. Только с тех пор Хорь столько раз байку эту рассказывал, что и не помнит точно, от кого он там драпал. То это медведь был, то кабан, то ещё кто, а на сей раз оказалось, что трактор. Я, правда, так подозреваю, что он тогда весь день под кустом бессовестно дрых, но тут дождь пошёл и всю ему провокацию испортил.

Вокруг деревья высокие, солнце светит, птицы песни орут - красота, в общем. И чувствуем мы, что никакие мы не Бобры, а отважные Крузенштерны, и что вот так, походя, мы Лося завалим, и тоже споём дикую какую-нибудь, кровожадную песню…

Тут я говорю:

- Неправильно получается. Неинтересно совсем, да. Коли Сова рога возьмёт, так я себе тогда - шкуру.

- На кой ляд тебе она? - спросил Хорь.

- Шапку сошью. Шубу опять же. Или гамак. А лучше - на стенку прибью, и буду показывать. Да мало ли чего? Шкура, она, брат, вещь большая, полезная.

Хорь сопел-сопел и говорит:

- А раз так, то я себе копыта возьму.

Тут даже Сова закашлялась, а я говорю:

- Зачем?!

- Да так, - хитро прищурился Хорь, - говорят, им в хозяйстве цены нет…

III

Тут мы трепаться перестали, потому как Лес кончился. Стоим, молчим и на Поле смотрим. А там злаки всяческие - стеной, дальше носа ничего не понятно. Боязно как-то. Канешь туда - и ищи-свищи, ежели что. Стоим мы, значит, стоим, и тут я гляжу - Белка. Сидит, понимаешь, и глазами на нас хлопает. Главное - рожа знакомая, а вспомнить не могу - кто.

Тут Хорь тоже, видать, увидел и говорит:

- Ты ещё кто?

А Белка и отвечает жеманно:

- Астролябия.

- Кто? - Не понял Хорь.

- Я. –Говорит Белка, - а вы куда все собрались? По грибы, да? За рыбой? Можно, я с вами пойду?

- Цыц, дурёха, - говорю, - мы на дело идём. Ружьё видишь?

А сам Хоря отозвал в сторонку, да шепнул, что о Белке той весь Лес неприличные истории рассказывает. Дура она, шепчу, и гнать её надо, не прилипла покудова.

А Хорь глазками сверкнул, ножкой шаркнул и говорит:

- Не желаете, мадемуазель, скрасить наш долгий путь?

Я сел. Ну, думаю, пропало. Влипли, думаю, как есть. Тут Сова подала голос:

- Так.

Мы с Хорём, по совести сказать, о ней уже и забыли. А Сова, оказалось, дело думала и говорит, как заправский, так её, командир:

- Так. Белка пусть в разведку идёт. Ты, Хорь, с Бобром тачанку вперёд себя катите, а я к ружью сяду, абы чего.

Сказала и на короб - прыг. Голова! Ну, мы и двинулись: Белка впереди скачет, от гордости аж красная вся, Сова на белкин хвост правит, а мы с Хорём - знай, колосья валим тачанкой.

Так дружно, почитай, всё Поле прошли, да притомились и сели чего потрескать. Сидим себе, трескаем. Сова, понятно, с короба слезла, а Белка бочком-бочком и уже сидит наверху.

Я решил характер проявить.

- Эта… - говорю, - Астролябия. А ну, слазь немедля. Это ж тебе не пень какой, а тачанка!

А Белка охнула:

- Батюшки-светы!!!

Тут мы шум и услышали. До того, видать, не слыхали - потому как за ушами трещало. А шум страшный такой, нехороший, и ещё лязгает.

Хорь у нас всего повидал:

- Трактор! - зловеще так шепчет. - Во-от такенный!

Я говорю:

- Озимые, - говорю. - Теперь нам хана!

А отовсюду уже всякий сброд набежал: и мыши, и суслики, и ежи даже, и ещё не поймёшь кто. Шум уже отовсюду идёт, паника назревает в рядах. У них, видать, одна надежда - на наше ружьё.

- Благодетели! - это Крот кричит. - Век в темноте жили, но была в нас вера всегда! А?!

И все хором подтягивают.

А Сова влезла на короб и говорит:

- Хватит! Всё терпели, а нынче - хватит!

И понесло её по кочкам про волю, права и Лося - ирода. Нам с Хорём кричит - разворачивай! Развернули куда-то, а за тачанкой уж все пошли. Я кричу:

- Запевай, что ли!

И запели мы почему-то «калинку-малинку», но так мрачно и решительно, что аж вскипал гнев. А шум уже в двух шагах. Мы прям на него прём. Закрыли глаза: а-а-а! и кубарем полетели куда-то в овраг…

Когда я всё-таки глаз открыл: темно, тихо. Рядом Хорь возится, а Сову ружьём придавило.

- Ура… - кто-то из кустов пискнул.

Все кругом зашевелились, и давай «победа!» кричать, «ура!» тоже. Главное - ночь стоит, саранча стрекочет: так в овраге и лежали, вояки…

IV

Дальше Болото было. Как раз за оврагами. Так себе место тоже. Невесёлое.

Сова, как проснулась, сразу митинг собрала. И ну байки вчерашние метелить: вы, говорит, теперя не сброд какой, а Освободительное движение. И кто ни есть какой доброволец, пусчай вступает. Потому как Лося-кровопийцу надо на чистую воду вывести.

- Верно! - кричали. - Довольно нашу кровушку пить!

Ну, наломали коряг и пошли.

Сова, она, наверное, Богом обиженная слегка. Рехнулась дура старая, то есть. Но прок с того большой вышел: вся шушера носится, гать стелет, тачанку тащит, Сова едет, мы с Хорём сзади идём. Важные-преважные. Да. Ежонок какой сунет под крышку нос: ух ты! - Хорь ему по носу - хлоп:

- Не «ух ты», а «продУхты». Золотой, понимаешь, запас!

Понятное дело, «золотой запас» только мы трескали. Белка пропала куда-то, зато лягушек всяких повылезло.

Повертелись - и тоже пошлёпали заодно. Откуда это энтузиазм (тьфу) такой, я, конечно, и не догадывался. Зато приятно как - идёшь по гати сухой этаким бобром, а тебе в ноги падают:

- Бобре наш!

Только вечером Хорь пришёл хмурый. Отозвал в темень и говорит:

- Слушай, Бобр. Они Лося делят.

- Да ну?! - говорю.

- Вот тебе и «ну». И копыта мои, и шкуру, и потрохи. А мы с тобою - дурному Сову учим. Потому как утром будет уже Тёмный Лес. Про него страшные вещи сказывают. Гать до конца проложили, смотрят: вот он, Лес. Ну и пошёл душок, дескать, всё дело народное задумали мы погубить на корню; вот. Так что ночью Сову берём - она всё равно дрыхнет - и дёру. На тачанке. А то съедят.

Я только:

- Эк! - и глазами хлопаю.

- То-то, брат! Дери её так, политика…

Да. Драпанули мы знатно. С помпой, так сказать. Почитай, вся рать за нами и кинулась. Хорь сопит, тачанку катит, а я что есть мочи ору:

- Хорь, - ору, - заряжай! Щас всех порешим, гадов!

Тут вся контра в болото шлёпнулась, а мы в Лес вкатились и

затихли там - а ну следом пойдёт кто? Никто не пошёл - своя голова дороже…

V

В Лесу энтом страсть я как натерпелся. Может, тут Тунгусский метеорит падал, только деревья все как один горелые и на каждом сидит упырь. Самая жуть в том, что их не видать, а они тебя хорошо видят. Сели мы в тачанку, и ну Сову крыть.

Сова - таки проснулась и говорит:

- Вот как есть, пеньки тёмные. Я ж вам, можно сказать, все блага обеспечила. А то ж в Болоте, чай, сами бы ковырялись…

- Назад-то, назад как пойдём, а?! - не унимался Хорь.

- Почём знаю? - обиделась Сова. - Сами заварили, скоты.

Мы все надулись. Тут Сова говорит:

- Пройдём. У нас рога будут…

Спать решили там же, в тачанке. Всё не так страшно, и вообще… А снаружи - вой лютый: ветер свищет, упыри хохочут, дождь полил - концерт будь здоров. Сидим, зубами стучим.

Хорь сказал:

- Уходить надо. Мочи уже нет.

Ну, мы дырки в полу проковыряли, ноги всунули - и бежать.

Я говорю:

- Мне дед историю рассказывал…

А Сова говорит:

- Знаю я эту историю. Мне дед такую же говорил.

- Это про кладбище? - спрашиваю.

- Оно самое. - Сопит Хорь. - Это, видать, специальная такая дедовская исто…

Тут мы на что-то налетели, и давай скакать вверх тормашками. Ветер нас подхватил и с размаху опять - хлоп!

- Ой-ёй-ёй!!! - орём. - Святые угодники!

Чувствую - тонем. Темень - глаз выколи, а мы тонем. Хорь как хрюкнет:

- Полундра! - И сиганул наружу.

Мы, понятно, за ним вылезли. Ливень хлещет, гром гремит; мы в воду - плюх и давай за всё подряд хвататься.

Уцепился я за какой-то сук, да на землю и вылез. Радости мало, земля - она ведь тоже мокрая. И Хорь орёт, надрывается:

- Ты что ж, стервец, утопить меня хочешь?!

Я его, наверное, за хвост цапнул, он со страху и выбрался. Я кричу:

- Где Сова?

- А Бог её знает! Не видно же!

Так до утра и прокукарекали. А как туман сырой пополз, да светлеть стало, смотрим: омут - не омут, лужа болотная, в общем.

А в ней тачанка наша: буль-буль - только пузырьки хлопают.

- Да-а, - говорю, - у деда не так было…

- И-и, - всхлипнул Хорь, - потонуло ружьишко! И Сова, видать, с ним! И «продУхты»!

Стали мы сову кликать. Глотки сорвали, а без толку. Хорь насупился и давай сук ломать.

Я говорю:

- Чего это ты?

- Ничего, - говорит, - я Лося этого задушу.

Выломал дубину и мы пошли. А кругом - вода, коряги торчат, вон и Реку уже видно.

- Оп, - Хорь говорит, - разлилась, что ли?

Смотрим - торчит сосёнка ободранная посреди воды, а на ней - наша старая ворона кукует.

- Эй! - кричим, - Сова! Слазь, давай, вот.

- Не могу, - говорит, - снимите меня, родненькие!

- Ну что, Хорь, давай плот вязать…

Взгромоздились на лесину, отчалили.

Подгребаем.

- Эх, верёвки нет, - сокрушается Хорь.

- Есть. - Сова клювом стучит. - Тут чего нет только.

Глядим - а кругом добра плавает! И покрышки и дрянь разная. Хорь верёвку - цап и кричит:

- Сова, - кричит, - лови!

Сова поймала.

- Привязывай!

Сова привязала.

- Да не туда, к себе привязывай!

- А зачем? - спрашивает.

- А ты не спрашивай! Вяжи вот, и всё!

Сова привязала.

- Ну, Бобёр, дёргай!

Мы с Хорём дёрнули. Сова только - у-у-ух - и в воду ушла. Я её, курицу мокрую, за верёвку вытащил и говорю:

- И как это тебя угораздило?

- Не знаю, - говорит, - вы куда-то делись, а я как полечу куда-то пузом вверх, полечу - ужас! Ну, забралась со страху и думаю - а слазить-то как?

- Ладно. - Хорь сказал. - Всё одно на ту сторону надо.

И дубиной своей погрёб. Это он так на себя командование взял. Мы на лесине сидим, дрожим, а над нами тучи собираются.

- Потонуло ружьишко наше… - это я Сове говорю.

А она сидит, глазом луп-луп, огорчается.

Ружьё Сова когда-то припёрла. Откуда у Совы этой ружьё, мы

с Хорём всё пытали-пытали, да так и не вызнались. Молчит, только странно так смотрит. Мы уж его потом берегли всячески: ружьё, оно ведь какая вещь - раз пальнул - и всё, собственно.

Да вот не уберегли, да…

А ветер крепчает, волна поднялась уже, и кажется нам, что никакие мы не моряки, а самые что ни на есть сироты. Дождь пошёл, гром грянул - и началось светопреставление.

- Мама! - кричу.

Вцепились только в бревно, и ну нас болтать, всё равно как бельё стираемое. Смотрим: камень большой, а мы на него несемся, что есть мочи и благим матом орём: а-а-а!

Трах! Бабах!! Кря!!!

И лежим это мы на камне - жалкие обломки кораблекрушения. Молнии сверкают, волны хлещут и вода поднимается!

Тут Хорь кричит:

- Глядите - плывёт кто!

И верно: совсем рядом голова большая виднеется.

- Урра-а!!!

Голова губастая ближе подплыла, Хорь и спрашивает:

- Ты кто будешь-то, благодетель?

А голова говорит:

- Лось.

Мы так и сели.

- Лось? - говорим. - А рога где?

- В бороде, - отвечает, - весна же.

- И что? - говорю.

- Что, что… Сбрасываю.

- Ах, ты… - захрипел Хорь и дубину поднял. - Ах ты, подлец…

Замахнулся и в воду - бултых! Ветром сдуло. А Лось обиделся.

- Дураки вы, - сказал и дальше поплыл.

Хорь на камень полез злой - отплёвываться.

- Ну, погоди, - шипит, - гнида, ещё доплаваешся…

Вдруг Сова запричитала:

- Ай-яй-яй, батюшки! Что ж делать теперь будем? Ты зачем, гад, Лося спугнул?!

Смотрю: а вода уж до верха самого добралась.

- Ну, - говорю, - вот она, смертушка!

Задрал голову, гляжу в небо, каюсь. Туч клочки носит, а между них ворона дурная шарахается, всю картину, тля, портит.

Тут меня осенило:

- Мама родная! Сова, - кричу, - ты же, так тебя-перетак, птица!!! У тебя ж крылья есть!!! А ну, неси нас отседова, в бога-

душу-мать, блин!

Сова глазами - хлоп-хлоп.

Хорь дело просёк, ухватил её за хвост и кричит:

- Лети, дура! Ну, лети, миленькая! А?

Сова сконфузилась:

- Да я не знаю… Мне это…, неудобно как-то.

- Я те дам - неудобно!!!

И мы полетели. Поначалу неудачно весьма, потом Сова разошлась, крыльями машет - аж дух захватывает. Мы с Хорём ногами болтаем, песни поём разные.

Так и летели: над Лесом Тёмным и над Болотом. Низко, правда, но всё равно - хорошо. А как Поле кончилось, Хорь орёт:

- Всё! - орёт, - всё! Посадку давай!

Мы на землю - шлёп, отряхнулись, и домой пошли. Идём мокрые, молчим и друг на дружку не смотрим.

Я покашлял и говорю:

- Слушай, Сова. А чего раньше не летала?

- Не знаю, - вздыхает та, - вы как-то всё пешком-пешком, ну и я тоже…

Тут Хорь встал и говорит тихо:

- Гляди-ка, рога!

И точно: лежат себе рога. Видно, Лось проходил, сбросил.

- Ну, - говорим, - Сова. Бери теперь, вот уж.

А Сова говорит:

- Ну их!

- Нет, - говорю, - это нам за страхи такие мзда. Логическое, так сказать, завершение.

Постояли мы, взяли рога и пошли вприпрыжку…

VI

Да. И вот, значит, сидим это мы у меня дома: Я, Хорь и Сова. Хорь тому с час назад глянул хитро, да с бадьёй из подпола вылез.

И вот сидим мы: Сова глаза таращит стеклянные, Хорь кружкой стучит - обниматься лезет, дрова трещат, за окном ветер воет, а я раз в двадцатый наяриваю на баяне "Яблочко».

- И-и… - говорит Хорь, - сыграй!

- Эта… - говорю, - может, другого чего сыграть?

- Нее… - И сгребает нас осоловелыми ручищами: меня, стаканы, Сову. - Не-е, играй! А то душа радуется, что ли…

кОнЕц.

Зоил Постепенный (Ялта, 1958).